Душа Запада

Автор:
Роман Суржиков

Душа Запада

Роман Суржиков

Полари #4

Интерлюдии – это небольшие истории в стороне от главного сюжета. Действие разворачивается в новых местах, еще не знакомых читателю. На сцену выходят новые персонажи со своими чувствами и тайнами. Неведомые грани мира Полари раскрываются перед читателем и несут предвестье будущих великих событий.

Роман Суржиков

Душа Запада

Конец июля – начало августа 1774 г. от Сошествия

Фаунтерра; поместье Лейси (Земли Короны)

Знаешь, это у тебя я научилась: смотреть на вещи так, чтобы видеть суть.

Когда была маленькая, верила, что внутри рельсового тягача сидит дюжина коней. Они выставляют ноги сквозь люки в полу, упираются копытами в землю и тянут состав. Большие и сильные кони – крепче любого тяжеловоза. И шпалы им помогают: лежат как раз так, чтобы удобно было отталкиваться. Никто не мог

меня переубедить. Сколько ни рассказывали про всякую машинерию – я только смеялась. Я-то точно знала: внутри тягача – кони.

Мне исполнилось десять. Дядя-герцог назначил моего отца представителем в Палату, и так я оказалась в столице. Однажды папа захотел меня порадовать. Откуда-то он взял, что именно это меня порадует. Или просто решил доказать, что старше и мудрее. Словом, он повел меня на станцию, где стоял состав, дал машинисту глорию и велел показать внутренность тягача. «Мою леди-дочь весьма занимает сие устройство», – сказал отец. Машинист ответил: «Раз так, то я запущу машину – пускай поработает вхолостую». Тягач затрясся от грохота, а машинист открыл дверь и ввел меня в самое чрево.

Я и сейчас помню свой ужас. Железо гудело, громыхало, стонало, выло… Но не это было худшее. Машина состояла из сотен и тысяч деталек: трубочек, цилиндров, катушек, проводков, валов, колесиков и массы другого, чему нет названий. Я не могла понять абсолютно ничего. Куда ни падал взгляд, он натыкался на что-то неясное, необъяснимое, темное. Внутри тягача царил хаос, намного более сложный, чем весь остальной мир, взятый вместе.

Я убежала оттуда. И с тех пор никогда не пыталась узнать устройство чего-нибудь. Люди, животные, машины, места – все хорошо таким, каким оно видно снаружи. Не нужно лезть внутрь – в устройство, в душу. Красота и смысл не в глубине, а в том, что доступно глазу. Смотри и радуйся. Так я жила девять лет.

Но случилась ты, и во мне переменилось что-то. Я стала другой. Впервые заметила это на трибуне. В ту минуту, когда владыка произносил имя. Я видела его с десяти шагов, прекрасно слышала каждое слово. Слов было много – таких торжественных… Потом он назвал имя: «Минерва Джемма Алессандра».

Я ни на что не надеялась. В этом я себя твердо убедила: не надеюсь, не на что, не я, ни шанса, не надеюсь. Не надеюсь. Не надеюсь. Повторяла день за днем. «Минерва Джемма Алессандра», – сказал владыка. Чувство было такое, словно клеймо раскалили на огне и прижали к груди. Вот тут я поняла, что изменилась.

Все, что было до слов: «…нарекаю своею невестой…», – распалось на детали. Не поверишь: я своими глазами видела валы и колесики! Они крутились, приводя друг друга в движение. Рельсовая реформа, всеобщий налог, Палата Представителей, заговор Айдена, коалиция Эрвина, влияние феодалов, власть

Короны… Я впервые увидела все так, как видишь ты: взаимосвязанным. Вращались шестерни, ни одна не могла остановиться, поскольку все цепляли друг друга. И владыка произносил речь, будто щелкали зубцы на валу. Чеканил слово за словом, с каждым оборотом вала: «Минерва Джемма Алессандра». Промолчи он или скажи иначе… Встань одна шестеренка в механизме – вся машина сломается, развалится на части. Он не мог сказать иначе, только так.

И клеймо убрали от моей груди.

* * *

Но я-то не шестеренка в машине. Мало что от меня зависит, и потому могу позволить себе не крутиться: государство не рухнет.

Об этом я сказала отцу, и он спросил:

– Ты о чем?

Я ответила:

– Обо всех этих гостях в нашем доме, каждый день после игр. Разве они – не по мою душу?

Гостей много. Наш дом в столице невелик, потому они не являются все сразу, а выстраиваются в очередь, сменяя друг друга. «Позвольте высказать наш восторг!.. От всей души поздравляем!..» Восторг – это мне, поздравления – тоже. Отец всякий раз зовет меня в зал, представляет кому-нибудь, а кто-нибудь целует руку, поздравляет и восторгается. Я благодарю – а как же. Кто-нибудь задает вопросы (всякий новый гость – одни и те же), я отвечаю (всякий раз одинаково). И чувствую себя колесиком искровой машины: меня вращают – я кручусь. Остро хочется сделать неожиданное, глупое. Въехать в зал на коне, протянуть для поцелуя не руку, а ступню…

И вот, я говорю:

– Отец, из меня не вышло принцессы. Случись иначе, я бы знала назубок все слова: долг, порядок, обязанность. Была бы честной шестеренкой… Но я – не

принцесса. В утешение пообещай мне одно. Когда захочешь сунуть мне в рот удила и посадить на спину наездника, то всадника выберу я, а не ты.

А он отвечает:

– Что ты, деточка! Что ты!..

Отец любит говорить: «Что ты!»

– Что ты, доча! Ты – лучшая в мире, моя кровиночка. Люблю тебя больше жизни!

Я говорю мягче:

– Нам лучше повременить, правда? Еще год хотя бы.

Он обнимает меня, и я думаю: что значат объятия, когда они заменяют ответ? Вряд ли что-то хорошее. Я хочу сказать, как сказала бы ты: разумно, убедительно. Так, чтобы сработало. Я говорю:

– Па, подождем год. Си или Молли родят… Вся дрянь, которую говорили о нас, сразу забудется. И ты получишь за меня гораздо больше.

– Что ты, милая!.. Не говори так, я же думаю только о тебе!

Я плохо читаю по лицам, даже если это самые близкие лица. Кажется, я попала в цель. Кажется.

* * *

Один гость пришел не за мною, а за тобой.

– Миледи, скажите, где она? Мне очень нужно знать.

Имперский секретарь Итан, хвостик Адриана. Я отвечаю ему:

– Его величество может спросить ее высочество или графиню Нортвуд.

Он говорит:

– Спрашиваю не для его величества – для себя. Куда увезли леди Глорию?

– Леди Глория, – говорю я, и в тот миг особенно горько чувствую обиду, – ни слова мне об этом не сказала. А разве должна была? Вы полагаете, мы с нею подруги?

– Никому другому она не сказала ничего. А вам, я надеюсь, хоть что-то.

Тут я смотрю на свою обиду: она – как тот тягач с конями внутри. Видимость, чушь, а смысл – совсем иной. Приношу твое письмо и даю Итану прочесть. Он читает, говорит: «Благодарю, миледи», – уходит. Я остаюсь искать.

Знаешь, я непроходимо глупа. Тратила день за днем, разбирала фразу за фразой, слово за словом. Читала десятками раз, могу наизусть повторить.

«Хворь оставила меня. Милостивые боги даровали мне жизнь, и я поняла, что должна посвятить ее служению. Отправляюсь в монастырь, где проведу отпущенные мне годы в размышлениях и молчаливых молитвах. Прости, что не увижусь с тобою на прощанье. Надеюсь, поймешь меня: последняя встреча была бы слишком печальна для нас обеих. Солнце моей мирской жизни закатилось, но я всегда буду тебя помнить. Скучаю по тебе, вспоминаю мгновения, проведенные вместе, особенно – бал и прогулку в лесу. Люблю тебя.

Глория Сибил Дорина»

Было странно. Странно, что назвалась «Глорией Сибил», а не северянкой, как прежде. Странно про «солнце мирской жизни» – не твои слова. Какой-нибудь пафосный стихоплет сказал бы так… Странно, что не увиделась со мною. Печаль последней встречи? Ерунда. От близкого друга получить вместо прощания клочок бумаги – вот печаль.

Но слово это – «странно» – было камнем. Я всякий раз врезалась в него и разбивала лоб, а пройти не могла. Не видела, что лежит за «странно». Ты бы склеила цепочку: из одного – другое, из другого – третье. У странностей есть причины, а у них – свои причины, и так пока не дороешься до сути… Но в моем мире «странно» – это уже крайняя причина. Человек поступил странно – и все тут.

Кстати, о странностях. Я рассказывала про своих родных? В моей семье у каждого есть какая-нибудь странность, свое личное особенное наваждение.

Мама обожает детей. Она горько рыдала в тот день, когда я впервые победила на играх. Я тормошила ее и кричала: «Мамочка, мамочка, ну что ты! Все же хорошо! Я победила, стала чемпионкой, разве тебе не радостно? Что плохого случилось?!» Поняла смысл много позже: победа сделала меня взрослой. Я больше не была ребенком, а значит, потеряна для мамы. К счастью, вскоре Си вышла замуж, потом и Молли. Теперь мама ездит между ними, гостит по три месяца у каждой – боится пропустить радостную весть. Мама знает все средства для плодовитости, которые только выдумали лекари, знахари, кудесники и Прародители. Каждый месяц я получаю письмо, в котором изложено одно из них. Представляю, каково приходится сестрам! Бедные…

Герцог Уиллас – мой дядя – книжник. В родовом замке есть огромная библиотека – якобы, лучшая на Юге. По этой причине дядя очень редко покидает замок. Он любит не только книги, а вообще все, что изложено на бумаге: письма, грамоты, отчеты, доносы… Ни разу не было такого, чтобы он слушал меня с интересом. Собственно, он и вовсе никогда меня не слушал, лишь говорил сам. Но однажды я видела, как он читал мое письмо: улыбался так нежно и печально, и глаза блестели… А еще дядя дружит с пауками. Даже берет с них пример. Как-то в старой башне он увидел огромную паутину трех футов шириной – поперек всего прохода. Дядя смотрел на нее минут пять, потом легонько подул на самый краешек. Паук, сидевший в центре сети, ощутил это ничтожное колебание и ринулся к его источнику. Дядя пришел в восторг: в тот миг он понял, как надо править людьми. Родовой замок Бэссифор – центр паутины. В него слетаются на голубиных крыльях всевозможные новости и доклады, и герцог, сидя на одном месте, знает о каждом, даже самом ничтожном происшествии в Литленде, чутко ловит любое подрагиванье нитей и незамедлительно реагирует. Ну, по крайней мере, так он говорит. Я не решаюсь спорить с человеком, который прочел тысячу двести книг. Но однажды в Бэссифоре пропал гнедой жеребец-трехлетка. Его

увел любовник горничной – об этом знали все, кроме герцога…

Что до паука из башни, то он по-прежнему живет там. Дядя не велит слугам его тревожить. Паука зовут Гордон. Он огромен, как маслина; весь черный, а на брюшке – белый крест.

И мой па. Его странность вот в чем: он любит советы. Па – лорд-представитель в Палате, ниточка дядиной паутины, что тянется прямо в столицу. Тебе виднее, чем занимаются лорды в Палате. Меня это никогда особо не занимало, впрочем, одно знаю точно: они там советуются. Дают советы друг другу, императору, министрам, своим сюзеренам… Но отец – особенный. Он – единственный человек в мире, кто любит просить советов, а не раздавать их. Спрашивает у дяди, мамы, своих рыцарей и секретарей, даже у меня. Всем это очень нравится, и мне, конечно, тоже. Приятно же, когда твое мнение интересно уважаемому мужчине, лорду Палаты! Все очень любят отца.

Главный его советник – некто лорд Косс, второй представитель Литленда в Палате. У Косса есть имя – Брендон, но об этом легко забыть. Все зовут его по фамилии, ведь он похож на слово «Косс» – такой же лаконичный, мягкий, свистящий, и с «о» посередине.

Он сказал отцу:

– Примем их в Лейси. Так будет лучше.

О ком речь – отец знал, почему так лучше – нет. Но спорить не стал, прислушался к совету. Мы переселились за город.

* * *

Лейси – это наше имение в Короне. Оно в десяти милях от Фаунтерры, я очень его люблю. Там просторный дом, шестьдесят акров полей – наших собственных, рощица с ручьем. Источник холоднющий, как… черт, и сравнение не подберешь! Тебе бы понравился. Нырнешь в него – так завизжишь, что сама оглохнешь! Зато весь день потом тебе жарко и счастливо. Еще в Лейси роскошные конюшни: тридцать голов, в том числе четыре моих мальчика. У каждого Литленда своя одержимость… мою ты знаешь.

Едва приехали, первым делом я пошла в конюшни, привела Поля – он был со мною на играх, а Жиль оставался в Лейси. Поль и Жиль – братья-близнецы, рыжие мэй-литлендцы. Самые лучшие! Отец подарил мне одного, но я упросила купить и второго – чтобы не разлучать их, это было бы слишком грустно. Сейчас привела Поля, увидела, как они радуются – аж сердце запело. Я обняла обоих, кормила с руки, чесала… Надеюсь, они любят меня хоть вполовину так, как друг друга.

А самая умная в конюшнях – каурая Луна, кобыла холливел. Она понимает абсолютно все, что говорю. Иные удивляются: как можно говорить с лошадьми? Мне странно другое: как можно с ними не говорить?! Я взяла Луну, и весь вечер мы гуляли неспешной рысью. Я рассказала о тебе. О том, что меня беспокоило: Глория Сибил Дорина, солнце мирской жизни. Я говорила ей:

– Глорию увезли. Так сказал Итан. Странно сказал, правда? Вот мы гуляем с тобой – и ведь никто не скажет, что я тебя увела! Увезли, увели – это насильно, назло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/surzhikov_roman/dusha-zapada

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити